

16+

МАРИНА СУШИЛОВА

ДОИДЫ

Марина Сушилова

Доиды

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Сушилова М. Л.

Доиды / М. Л. Сушилова — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Наши постоянные вопросы к Творцу небесному: «За что? Почему это случилось именно со мной? Как жить дальше? Что ждет нас там, за гранью?» Когда земным изобретателем овладевает вдохновение, он поглощен воплощением своей мысли в жизнь. Он становится подобием Творца. Он почти не ест, не спит, его лихорадит. И вот, наконец, свершилось задуманное! Но что в результате появилось на свет? Поможет ли талантливое изобретение человечеству? Или станет наказанием? И как будет существовать само творение на этой земле? Какие вопросы, в конце концов, начнут терзать доида, и получит ли он на них ответ от своего создателя?

© Сушилова М. Л., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Марина Сушилова

Доиды

«...Ты считаешь себя Творцом?

Думаешь, сотворил? Да ты натворил, натворил!»

Из перепалки малоизвестных богов в древние дни на Олимпе.

Часть I

Я проснулся от тревожного толчка сердца. Несколько мгновений лежал с открытыми во тьму глазами и не мог понять, что разбудило меня посреди ночи. Побрел на кухню, налил холодной газировки, выпил и тут мой взгляд упал на монитор. Меня охватило оцепенение от увиденного: парень забивал палкой маленького медведоида. Тот старался отодвинуться от истязателя, как можно дальше, его пасть жалостливо раскрывалась и закрывалась, глаза слезились от боли. Два больших медведоида жались к стенам. Выражение жестокого наслаждения читалось на лице подростка, видны были вздувшиеся вены на руках. Меня накрыла горячая волна неконтролируемой ярости, я мысленно завопил: «Да остановите же этого подонка!» И вдруг случилось непонятная, страшная в своей дикости вещь: самый большой медведоид, заревев, кинулся к подростку и взмахнул сильной когтистой лапой.

Еще некоторое время я стоял, остолбенело перед монитором, всматриваясь в осевшую фигуру подростка, затем кинулся к спортивному костюму, схватил ключи от машины, права, и бросился вниз по лестнице.

Машина неслась во мгле, выжимая из мотора все, что только можно выжать, пролетая горный серпантин на бешеной скорости. В результате, мне удалось достичь загон для доидов минут за тридцать, хотя в обычные дни у меня на дорогу уходило не меньше часа. Вступив на территорию, я подошел к берлогу. Первое, что заметил: парня не было! Зайдя в загон, мне в глаза бросилась странность поведения медведоидов, никто из них не подошел ко мне, не попытался приластиться, – они жались к стенам. Подойдя вплотную к меньшему из них, стал осматривать раны, нанесенные дубинкой с шипами, валявшуюся здесь же. «Куда же делся парень? – обдумывал я, поглаживая скулившего доидика, – не сожрали же они его?» Поведение доидов было настолько необычным этой ночью, что всякий бред лез в голову сам по себе. Обработав раны, введя обезболивание младшему, погладив взрослого доида, (поднявшего лапу на человека впервые со времен существования этого вида!), убрав доидиху в дальний вольер, я изъясил записи с камеры наблюдения. Доидов надо было срочно эвакуировать отсюда. Во-первых, подросток, если он, конечно, жив, мог вернуться сюда и не один, во-вторых, медведоидам явно нужна помощь. Придется будить Николая и посвятить его в суть происходящего.

Николай, спросонья что-то промычал в трубку, потом коротко бросил: «Еду. По дороге все расскажешь». Он был как всегда прав: зачем сейчас терять время на объяснения, – раз его разбудили посреди ночи, значит, надо срочно приехать. Представив себе большую плотную фигуру Николая, его невозмутимое при любых обстоятельствах лицо, мой мандраж стих: конечно же, он не бросит в беде меня вместе с моими подопечными. Ждать пришлось недолго – Николай жил совсем недалеко от места памятника. Мы завели медведоидов в фургон, ввели им легкое снотворное и плавно тронулись: «Ну, теперь рассказывай!» Как можно подробнее, я изложил увиденное ночью. Николай хмыкал, крутил головой, но никак не комментировал услышанное – как человек основательный, он сначала должен был все обдумать и проверить, а потом только посвящать, кого бы то ни было в свои соображения. Окружающие, давно знавшие его, всегда терпеливо ждали созревание выводов, т.к. этот человек, уж если и оглашал свои мысли, то редко ошибался.

Пока мы ехали в стационарный доидник, меня снова стали одолевать невеселые мысли о нелогичных, непродуманных поступках человечества. История доидов началась лет двадцать назад. Великие японские изобретатели (как всегда впереди планеты всей), стали выпускать роботов в точности таких, каких от них ожидали фантасты мира на протяжении уже лет трехсот. У меня есть подозрение, что японцы – нация с вековыми традициями, просто не успевают наиграться в детстве, поэтому во взрослой жизни постоянно что-нибудь изобретают и конструируют. Так, появился первый доид – тюлененок для одиноких людей, при этом, робот был покрыт биошкуркой, совершенно неотличимой от настоящей, а также тюлененок был снабжен мордочкой и биоорганами: глазами, ушами, и даже язычком. Игрушка очень понравилась не только одиноким пожилым людям. И, вскоре, американцы внедрили идею в диснейлэнды, где стали разгуливать огромные био – Микки Маусы и прочие герои известных мультфильмов и комиксов. Сначала это были просто игрушки, затем их снабдили сенсорами. Идея немецких био-инженеров изначально была гуманна: заменить животных в зоопарках на доидов. Как всегда у человека: что называется из лучших побуждений... Да, неплохо было, с одной стороны, распустить все зоопарки и цирки – жестокие игрушки человечества и заменить в познавательных целях на биороботов, но для этого нужно было, чтобы не только облик, но поведение роботов стало идентично природному оригиналу. Для этого их снабдили программой, простейшей нервной системой и даже органами размножения, хотя появлялись доиды исключительно в лабораторных условиях. Таким образом, контролировалась их численность, а иллюзия ухаживаний и удовольствие от спаривания (для стимуляции полового влечения применялось гормональное воздействие через органы обоняния) оставалось. Только пищеварительную систему было решено заменить на солнечные батареи. И все бы ничего, если бы не исследовательская жилка, присущая человечеству: некоторых людей, особенно подростков, настолько мучило любопытство, что они были готовы буквально по кусочкам расчленить доидов и посмотреть, что у тех внутри. Животные, снабженные инстинктами добывания пропитания и борьбы за лучшее место под солнцем, давали отпор людям или скрывались, доиды же не знали, что такое опасность и оставались беззащитными, как дети. А так как памятники тоже заменили биороботами, то территории, ими населенные, хоть и считались номинально охраняемыми, на самом деле, таковыми не являлись.

И все-таки странно, как мог доид поднять лапу на человека? Надо разобраться на территории какой страны находилась фабрика – лаборатория, где его вырастили. Что-то мне подсказывало, что это могла быть Германия. Германия, Германия... Ибо, если японцы умеют придумать что-то невиданное и неслыханное доселе человечеством, то уже придуманное, немцы могут или довести до совершенства, или искорежить так, что любому здравому, в своем уме гуманисту, просто не придет в голову. Все, что изобретено, рассматривается скрупулезно, в различных аспектах, пристально, детально, пока не появляется гениальное творение... или квазимодо... – но таковы они, немцы. Хотя, после увиденного ночью, я бы не стал особо возмущаться, если бы доиды могли защитить себя и соседей, таких же доидов, а еще, дать отпор всяким подонкам и уродам! Просто теперь меня интересовал механизм. На каком уровне: нервном, мышечном, а быть может, сознательном (?!!!) произошел инцидент? А если существует прецедент, каковы последствия и для доидов, и для человечества?

Тем временем мы добрались до стационара. Вывели полусонных доидов в загон, а маленького повели на осмотр в операционную. К счастью, человеческий подонок не успел нанести значительного физического ущерба существу, но боль читалась в глазах биороботенка. Пришлось пичкать сильным обезболивающим. После чего, снова вкололи снотворное и отвели в загон.

Стали просматривать пленку. Оказывается, подросток был не один – в дверях стоял спутник помладше, в руках у него был нож. Вот доид поднял когтистую лапу, заревел и пошел на

обидчиков. Камера смогла заснять даже побелевшее лицо того у двери с ножом, а этот, с дубинкой, не обратил внимания на происходящее: так был уверен в своей безнаказанности. Удар! И тело подростка оседает у стены. Что же дальше? Доиды остановились. Отошли в сторону, сбились жалкой кучкой в дальнем углу. Тот, который с ножом, сунул его в карман спортивных брюк и стал по стеночке подбираться к упавшему. «Молодец, – промелькнуло у меня. – Не бросил товарища». Стал тащить тело к двери, пострадавший зашевелился и через мгновение уже сам полз на четвереньках к выходу из загона. Так разъяснилось исчезновение бесчувственного тела. Ага, уже легче, хоть жив остался. Это был первый случай нападения на человека. Может, сбилась программа? Или переборщили с распыляемыми гормональными препаратами? И что делать? Докладывать по инстанции? Но ведь, хоть законодательства по доидам принято не было (может, поэтому-то некоторые из отродья издевались над ними, подстегиваемыми звериным наслаждением от чужой боли и безнаказанностью), но ведь, ежу понятно, что доида аннигилируют... А, собственно, он сделал то, что и должен был: защитил слабого, дал отпор агрессору. Честно говоря, я был на его стороне.

Я посмотрел вопросительно на Николая. Тот забормотал: «Не торопи меня... Надо проверить... Ты не помнишь из какой лаборатории они?» Ага, значит, мысли Николая работали в том же направлении, что и мои.

– Не знаю. Надо поднять дело...

– Надо. Твои подопечные продряхнут еще часа три. Поехали. И дело посмотрим, и объявление о техдне повесим на твою площадку.

– А что мы напишем в запросе для выдачи дела?

– Я так понимаю, что тебе не хочется оглашать пока истинную причину?

– Не хочется, Коля, ох, как не хочется. Усыпят же. А он прав, чисто по человеческим нормам это – самооборона, вернее, защита более слабого, что еще благороднее.

– Ого, да ты им уже и благородство приписал. Не рановато ли? Может, так – сбой программы и завтра он набросится на просто глазающего посетителя?

– Ты прав, надо разбираться. Так все-таки, под каким соусом дело забирать будем?

– Да ни под каким... Там сегодня Лика должна дежурить, – Николай усмехнулся.

– Лика-Лика – Анжелика?

– Именно она.

Женщины любили Николая. За сдержанность. За мужественность. И за неприступность. Сами приходили, пытались хозяйничать, но Николай настолько мрачно принимал любое поползновение на свое жилище, что ему даже не приходилось объясняться, женщины уходили, чтобы через некоторое время снова ненадолго посетить его берлогу. Он никому ничего не обещал. Не клялся в любви. Не скрывал, что есть и другие. Для меня необъяснимой загадкой оставался шлейф этих интересных женщин, стелющихся за Николаем, соперничающих друг с другом тайно, чтобы не раздражать своего вожака прайда. Именно прайдом можно было назвать этот гарем – Николай заботился о своих женщинах, на него всегда можно было положиться. Когда-то он был женат на очаровательной однокурснице. Но при родах Светлана умерла, ребенок, появившийся на свет слишком рано, ушел вслед за матерью и, как мне казалось, Николай до сих пор носил в себе боль по утраченному счастью и хранил своеобразную верность жене и дочери. В квартире не было пантеона, но я готов был поклясться, что в тайниках комода надежно спрятаны от чужих глаз вещи и фотографии жены.

Лика не подвела. Высокая, яркая как птица, она с обожанием смотрела на Николая и, вряд ли, вообще вникала в суть говорившегося ей. По затуманенному взору можно было понять, что она загипнотизирована музыкой голоса своего кумира и очнулась только тогда, когда Николай спросил: «Ну, так что, Лика, ты выдашь нам дело без официального запроса?»

Страхнув с себя оцепенение, девушка зашевелилась и исчезла за дверью кабинета. Буквально через минуту, она появилась снова, держа в руках дамский журнал, который скрывал от посторонних взглядов нужную нам папку. Заговорщицки переглянувшись, мы двинулись от дверей кабинета в слегка затемненный угол под лестницей. Я развернул папку и удивленно присвистнул: доида выращивали буквально в двадцати километрах от нашего городка. Команда изготовителей прибавила удивления и легкой радости – в нее входил мой однокурсник со звучным именем Иннокентий.

По моим воспоминаниям Кеша был личностью яркой и слегка странноватой. Ярко в нем было все: начиная от огненно-рыжей роскошной шевелюры, желтых рубашек, ремней и ботинок, заканчивая оригинальными суждениями, которые он пылко отстаивал в студенческой среде. Во время шумных вечеринок, если возникал о чем-то горячий спор, можно было с уверенностью сказать, что очагом его возгорания являлся именно Кеша. Отношения с девушками у Кеша как-то не складывались. Не сказать, что противоположный пол им не интересовался, скорее, наоборот: девушки сменяли друг друга настолько стремительно, что мы уже и не пытались запомнить имя очередной подружки, но при этом, не было хотя бы отдаленного намека у нашего оратора на влюбленность. И еще, при всей своей бурной натуре и несдержанности в выражениях, Кеша был человеком закрытым. Поток речи, скорее исходил из разума, а не от сердца и души. Только один раз он немного подпустил меня к себе: рассказал о том, что никогда не заводит домашних животных. Причиной этого было детское воспоминание о погибшей любимице – собаке. Удивительным было то, что об этом он рассказал мне тихим голосом, с трудом подбирая слова, тогда как обычно, они лились из него потоком. Да и рассказ был кратким, скупым на подробности. Помрачневшее лицо настолько было далеко от его обычного образа, что возникало ощущение, что перед тобой совершенно другой человек. Было что-то болезненное в складке на лбу, в нервно сцепленных пальцах, в искривленной линии рта...

Мне с трудом удалось вернуть Лику в действительности, пытаюсь всунуть носитель ценной информации в ее руки, которые теребили воротник свитера третьего участника нашей стихийно-возникшей группировки нарушителей. Все, что мне было необходимо, было предусмотрено сфотографировано на мобильник. Одолеvalo чувство, что повторно мне так просто не удастся выцарапать информацию по этому доиду. Папку-то я Лике в руки всунул, а вот самого Николая от прилипшей к нему девушки, оказалось оторвать труднее. Несколько раз я деликатно покашливал – бесполезно! Потом говорил: «Николай, нам пора!» – потом уже стал тянуть его за рукав. Кое-как удалось вытащить его из темного угла и, проводив раздумывающуюся Лиду до дверей кабинета, мы выскочили из здания.

– Уф! Николай, а как ты избавляешься от нее в обычной жизни? – не удержался я от бестактности.

– Есть маленький секрет, – друг усмехнулся. – И так? – он вопросительно посмотрел на меня.

– Представляешь, а лаборатория у нас под носом – в Колесниках.

– И как ты собираешься туда прорваться?

– Поехали ко мне, посидим, обсудим.

– Твоих подопечных оставим в стационаре на сегодня?

– Да, не помешает: кажется, за ними стоит понаблюдать.

Мы двинулись на квартиру, предварительно заскочив в пиццерию и магазинчик, который находился в цокольном этаже дома. Зайдя в кухню, я первым делом посмотрел на монитор: экран показал мне место опустевшего памятника «Три медведя» и картинку из стационара с

тремя мирно посапывавшими доидами. Мы выгрузили из пакета пиво, разогрели пиццу, нарежали колбасу и сыр и начали свой холостяцкий пир.

– Как ты живешь без женщины? – начал со своей любимой темы Николай.

– А как ты живешь со своим гаремом?

– Да это как раз просто: научишься управлять одной, а потом уже количество роли не играет, – засмеялся друг.

– Ну, не едет ко мне Ирина, что ж я могу поделаться.

– Так пусть приедет не Ирина... делов-то!

– Наверное, в конце концов, так и будет.

– Как говорят китайские мудрецы: «Отпусти! Если это твое, оно обязательно вернется. А не вернется, значит, не твое».

Сказать, что я очень переживал по поводу отъезда Ирины в Москву к ее родителям, было бы неправдой. Конечно, имела место привычка, и физиология требовала свое, но большой любви не случилось с самого начала. Люди мы разные, хоть и с похожими привычками. Ирина была дочерью приятелей моих родителей, мы периодически сталкивались с ней на семейных мероприятиях, воспринимали друг друга, скорее, как кузены, объединенные воспоминаниями о детстве и общими интересами. Всплеск гормонов взрослеющих организмов и одобрение семей объясняли наш брак. Потом надо было уехать по месту работы, Ирина, при этом, теряла место в консерватории, да и не была она романтичной, чтобы сидеть в маленьком южном городке посреди гор. Ей быстро наскучила здешняя экзотика. Даже когда она объявила о желании поехать в Москву на полгода, я не испытал в душе настоящего огорчения от предстоящей разлуки. Прошло полгода, потом еще полгода, потом еще... Дважды Ирина приезжала в отпуск, но в наших отношениях появился налет отчужденности. В очередной из отпусков, у Ирины случилась необходимость провести его в Москве, помогая в грандиозной перестройке родительской дачи и она не приехала совсем. Помаявшись немного, я успокоился. В настоящее время отчетливое осознание, что обойдусь без этого брака и спокойно отпущу Ирину насовсем, дало мне ощущение внутренней свободы и готовность к новым отношениям. Только чувство порядочности не позволяло пуститься во все тяжкие до тех пор, пока Ирина сама не изъявит желания избавиться от уз Гименея.

– Итак, переходим к основной побудительной причине нашей попойки, – сказал Николай. – Что удалось узнать с помощью нашей мягкосердечной птички с ангельским именем?

– Да твоей птичке цены нет! Если бы пошли официальным путем, ушли бы годы, ну, неделя – это точно! – остановился я от чистой брехни. – А твоя Ликочка нам споровила все за пять минут. Умничка, девочка!

– Точнее, полная дура! И оправдывает ее только то – что дура влюбленная, – уточнил Николай.

– В общем и целом, все неплохо: лаборатория в Колесниках и в состав команды, которая выращивала нашего питомца, входил мой однокурсник, так что можно наводить мосты, тем более, что номер мобильника мне теперь известен.

– Знаешь, что я бы тебе посоветовал? Не торопиться заваривать кашу. Давай-ка, парутройку дней понаблюдаем за твоим подопечным.

Но наблюдение за доидом заставила ехать в Колесники уже через день. Малыш и медведоиха вели себя, как обычно: заряжались, спали, фотографировались с туристами, а вот с медведоидом что-то творилось. Он не выходил из затемненного загона стационара, мало и неохотно питался энергией, будь это, хотя бы собака, я бы решил, что ее угнетают нравственные переживания, и она находится в депрессии, но доид?... Все их мыслительные и нервные реакции

были на низшем уровне: боль, холод, голод. Остальное достигалось распылением различных видов гормонов. Мы с Николаем пытались воздействовать эндорфинами, но оживление нашего наблюдаемого было кратким и вялым. При этом, я готов был поклясться, что доид по настоящему переживает и взглядом пытается мне что-то сказать! Когда я поделился размышлениями с Николаем, друг посмеялся надо мной и сказал, что у меня пристрастное отношение к моим подопечным и, сроднившись с ними за время работы, я пытаюсь наделить их чувствами. Однако, произошедшее под утро следующего дня, встревожило не на шутку и его тоже. Как бы мы не пытались избежать этого определения, но случилась попытка суицида большого медведоида! А как еще можно было назвать то, что он взобрался на крышу загона и не свалился, а именно прыгнул с него на торчавший из скалы штырь? Камера запечатлела, как он долго решался на это, бродил по крыше, и в его глазах отражалась невиданная для биороботов тоска. А потом, заревев, и распластав лапы, бросился на острие железного прута. К счастью, штырь задел только шкуру, крови было много, но рана была неопасной. Накачав снотворным доида, мы раз двадцать просматривали изъятую запись. По изумленному виду друга, я предугадал смысл последовавшей фразы: «Надо ехать в Колесники к твоему однокурснику».

Часть II

Колесники был маленький городок. По душным пыльным улицам бродили разморенные жарой собаки. Виноградные лозы обвивали крыши навесов, доносились аппетитные запахи жарившихся под открытым небом лука, овощей и мяса, слышались приглушенные голоса играющих детей. Редкие прохожие встречались в этом дремотном мире. Приоткрыв окно машины и, ощущая хлынувший навстречу душный поток в охлажденную кондиционером атмосферу салона, я крикнул одному из них:

– Здравствуйте! А Вы не подскажете, где тут улица Вишневого?

– Она спускается до самого выезда из города, – ответил мне смуглый паренек. – Вам кто нужен? Какой дом?

– Мне нужна лаборатория доидов от биофабрики.

– А, так это и есть на выезде. Сейчас на первом перекрестке, свернете направо, проедете три квартала, снова направо и почти до конца в южном направлении.

– Спасибо! – крикнул я и, подняв стекло, двинулся согласно полученным разъяснениям.

Накануне мы долго совещались с Николаем, и было решено, что на разведку мне надо ехать одному.

– Встреча бывших однокурсников тет-а-тет скорее пробудит доверие и склонность к откровенности, чем в присутствии лишних ушей, – резонно сформулировал друг то, что чувствовал я сам.

И вот теперь мне открывались чудные места под названием «Колесники»: узкие тихие улочки, виноградники, яркие палисадники, куры, копающиеся в пыли, столики, накрытые в беседках, за столиками седовласые мужчины, покрытые вьевшимся с годами загаром, неторопливо потягивающие из пиалушек и играющие в шахматы или домино. Тишь да гладь, да Божья благодать. В этом ленивом и ласковом мире, живущем под ритм прибора, произошедшее показалось мне сном, просто сном.

На выезде из города обнаружился высокий каменный забор с пропускным пунктом и воротами со шлагбаумом. Припарковавшись и, набрав внутренний номер, я с бьющимся сердцем ожидал соединения с Иннокентием Васильевичем Рядновым, или моим однокурсником. Наконец, мужской практически неузнаваемый голос произнес: «Я слушаю». Не помня себя, я заторопился:

– Кеша, привет! Ну, узнавай же меня скорее! Это я, Юра.

– Юра? – Кешина память явно давала сбой, а от этого зависело так много!

– Да, Шер я, Шер!

– А, Шер... – протянул голос. – А ты здесь, какими судьбами?

– Да, проезжал мимо, слышал, что ты в Колесниках, захотелось увидеться, посидеть, пивка попить. Ты когда освободишься? – брал я быка за рога.

– Да, собственно, у меня отпуск, просто неотложное дело...

– Какая удача, ты – в отпуске! – моя радость была такая искренняя, что голос потеплел:

– Шер, я скоро. Сам понимаешь, в лабораторию вход запрещен, ты посиди на пропускном. Сейчас попрошу тебе чаю принести.

– Лучше водички со льдом, – взмолился я, – от жары и волнения пересохло в горле. В окне открывался вид на трехэтажное длинное здание, газированная минералка приятно освежала горло, кондиционер радовал прохладой пылающую в лихорадочном волнении голову. Как-то все пройдет?

Иннокентий был узнаваем издали – по пылающей копне волнистых волос. Шаг был стремителен, как прежде. Он радостно заулыбался, перешагнув порог пропускного пункта. Подошел, энергично схватил мою ладонь, потряс, потом ринулся обниматься. Моя лихорадка тут же прошла – Кеша был прежним.

Мы сидели в настоящей восточной чайхане на набережной: отдельная беседка, обвитая виноградом, небольшой низенький столик, бессчетное количество маленьких, различных по форме, расшитых люреksom подушечек, пиалы с чаем, сладости и фрукты. Маленький узбек, неизвестно как удержавшийся на Кавказе среди конкурирующих соседей, сновал туда-сюда, успевая подавать, убирать, улыбаться говорить: «Уважаемые», – легко и искренне.

– Кеша, может, пообедаем?

– Пообедаем, конечно, пообедаем. Но сначала чай, потому, что восточные люди питаются правильно: сначала чай и неторопливая беседа, а затем, когда уже организм будет готов к приему пищи, тогда будут и салаты, и плов, и манты, – все как положено. Кухня превосходная!

И, правда, все было ароматным, вкусным, острым. Не знаю, от чего захмелелось быстрее: от коньяка ли, беседы, морского бриза или обволакивающей обстановки кафе, еды ли.

Было решено, что переночуем у Кешы, поэтому можем пить, гулять и веселиться до утра. Машину загнали на стоянку все того же услужливого Тимура – хозяина кафе. До утра мы не дотянули.

Тюлень, огромный, жирненький до складок на переливающихся голубовато-серых боках, хлопал меня ластом по плечу, приглашая прогуляться: «Да, поднимайся же ты! Пойдем, окунемся, сейчас самый кайф». С трудом вынырнув из теплого сладкого морока, увидел Кешу, который хлопывал меня влажной прохладной ладонью по плечу. Трава по бокам тропки серебрилась росой, первые лучи солнца выхватывали радостные искры на листьях деревьев, море было тихое и бледное, пахло именно морем, соленым, йодистым, отдохнувшим за ночь от человеческих тел. Вода встретила первоначально прохладой, которая сразу превратилась в приятную ласкающую зовущую среду, в которой можно, казалось, жить всегда. В какой-то момент меня накрыла волна отрешенности от всех забот, единения со стихией моря и неба. Где-то рядом, фыркая и поднимая вокруг себя брызги, вынырнул Кеша. Мне так не хотелось возвращаться в действительность, но Кеша настойчиво бормотал: «Уф, хорошо! Скажи же, Шер!» – пришлось лениво откликнуться: «Да, хорошо...». Потом мы бежали к дому приятеля прямо в мокрых плавках, обернув вокруг бедер полотенце. Поначалу, несколько смущаясь, я проследовал за загорелой спиной попутчика, затем обнаружил, что улицы пустынные, а если кто и шел навстречу, то исключительно в купальниках и шортах, не обремененный, как и мы, лишней одеждой.

Подкрепившись крепким чаем и бутербродами, на моей машине доехали до биофабрики, где, обменявшись уверениями встречаться как можно чаще, тепло распрощались. Мешанину чувств вызвала пролетевшая единым мигом встреча: радость воспоминания о бесшабашной студенческой юности, споры, впрочем, уже не столь бурные, как в прошлом, и тревога: что я сказал о главном, интересовавшем меня предмете, не проговорился ли я, что отвечал мне Кеша? Надо было напрячь память, выудить из нее, бедной, одурманенной непомерными ночными возлияниями и горячечными разговорами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.